

Воспроизведения рукописей указаны (см., например, *Suppl. grec*, № 905). Что касается описаний, то некоторые из них пропущены: так, не названы описания рукописей фонда Coislín, № 38, 215, 216, 361; эти кодексы были описаны А. А. Дмитриевским в книге «Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока». «Толкѣ», ч. 2. (Пг., 1917, стр. 130—132, 161—162, 208—210, 344—345).

В описании отрывков из Посланий апостола Павла VI в. (Coislín, № 202) сказано, что два листа из этой рукописи хранятся в Ленинграде; отрывки из этого же кодекса (так называемого Codex H) хранятся также в Национальной библиотеке (*Suppl. grec*, № 1074), в Турине, в Лавре св. Афанасия на Афоне, в Гос. историческом музее и во Всесоюзной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве. Раньше отрывок из этого же кодекса хранился в Киеве, но был утрачен в годы Великой Отечественной войны, во время оккупации Киева немцами¹¹.

Отрывки из рукописи *Suppl. grec*, № 1262, содержащей Деяния апостолов (1101 г.), хранятся в настоящее время в Гос. публичной библиотеке в Ленинграде под шифром: греч. № 321; эти отрывки поступили в библиотеку в составе собрания Порфирия Успенского. Листы из Церковной истории Феодорита Кирского в списке X в. (*Suppl. grec*, 1248. XV) хранятся в той же библиотеке под шифром: греч. № 715; эти листы поступили в библиотеку в составе собрания А. И. Пападопуло-Керамевса¹².

Вряд ли стоит увеличивать число мелких добавлений и поправок. При составлении справочников подобные недосмотры неизбежны. Следует обратить внимание на главное: оба рецензируемых издания являются не только каталогами в узком смысле этого слова, раскрывающими состав описанных в них собраний, но могут также служить и должны быть использованы как справочники по средневековой греческой письменности, так как в них представлены все виды памятников и большая часть византийских авторов. Что же касается каталога фонда *Supplément grec*, вышедшего в свет уже после XI Международного конгресса византистов в Мюнхене, то его можно рассматривать как ответ на пожелание о скорейшем окончании работ по библиографированию всего мирового фонда греческих рукописей, высказанное Альфонсом Дэном в его упоминавшемся выше докладе.

Е. Э. Гранстрем

THE GREAT PALACE OF THE BYZANTINE EMPERORS. SECOND REPORT, EDITED BY D. TALBOT RICE.

Edinburgh (The Walker Trust — the University of St. Andrews), 1958

Во втором отчете о работах шотландской экспедиции в Константинопольском дворце, изданном Д. Тальботом Райсом, публикуются исследования 1951—1954 гг. в перистиле, открытом перед второй мировой войной¹ вместе со вновь открытым примыкающим к нему апсидальным залом, а также в так называемом «доме Юстиниана», руины которого возвышаются над приморской оборонной стеной гавани Буколеон на Мраморном море.

Восточная оконечность Византии представляла когда-то скалистый мыс с крутыми скатами. Для того чтобы создать на рубеже II и III вв. н. э. площадку ипподрома, лежавшую на 32 м выше уровня моря, пришлось поднять его юго-западный закругленный конец на грандиозные сводчатые субструкции. В дальнейшем застройке между ипподромом, храмом Софии и морем тоже неизменно предшествовало многократное террасирование с разрушением и засыпкой более ранних сооружений строительным и бытовым мусором. Искусственными террасами являются и основание «дома Юстиниана», и верхняя терраса, на которой был построен перистиль с примыкающими к нему постройками. В верхнюю террасу заделаны здания и остатки зданий, восходящих к додворцовому времени и отличных от дворцовых построек по своей ориентации. Впоследствии, за долгим периодом заброшенности, связанным с перенесением придворной жизни в XII в. в другие дворцы, последовало разрушение, произведенное турками, и новое террасирование; в результате мозаичные полы перистиля оказались в свою очередь на глубине 2,5—4 м под современной улицей Арасте Сокак с ее аркадами и лавками.

¹¹ C.-R. G r e g o r y. *Textkritik des Neuen Testaments*, I. Bd. Leipzig, 1900, S. 114; Н. П е т р о в. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии, вып. 1. Киев, 1875, стр. 16—17, № 26.

¹² См. L. P a r m e n t i e r. *Theodoret. Kirchengeschichte*, 2. Aufl. Berlin, 1954, S. X.

¹ *The Great Palace of the Byzantine Emperors. I report*. London, 1947—1949 (далее — I отчет).

Во все периоды строительство не только сопровождалось, но и базировалось на вторичном использовании строительных материалов — от кирпича до мрамора; этим объясняется почти полное исчезновение сооружений, когда-то построенных за счет других, возможно, не менее грандиозных и восходящих частично к греческой античности.

В XIX в.² толчком к ознакомлению с руинами нижней террасы послужила постройка восточной железной дороги, которая вместе с тем разрушила значительную их часть. Ряд пожаров уничтожил с 1913 г. до наших дней турецкую застройку и создал к югу и востоку от мечети Ахмета огромное полукольцо пожарищ, что облегчило доступ к некоторым из древних построек. Однако в силу указанных выше обстоятельств археологические работы в константинопольских дворцах были необычайно трудоемки, а датировка их очень сложна. Вместе с тем систематическое изучение дворцовых построек, известных преимущественно по поздним описаниям придворного церемониала, имеет огромное историческое значение; их исследование должно раскрыть картину развития ранневизантийской архитектуры и декора.

Основоположителем современного изучения византийского Константинополя в целом является А. М. Шнейдер, а большого дворца в частности — Е. Мамбери. Оба они посвятили этому делу многие десятилетия. Редко имея возможность вести настоящие раскопки, они, как и другие исследователи, были вынуждены базироваться главным образом на изучении наземных руин, немногих эксплуатировавшихся подземных построек, а также на данных, выявляемых при рытье фундаментных рвов для современных сооружений. Этим объясняется некоторая ограниченность ценного труда Е. Мамбери³, справедливо отмечаемая рецензентами⁴. Для рассматриваемой публикации особое значение имеет произведенное Мамбери исследование сооружений по берегу Буколеона⁵ и тех зданий (Db и Dc)⁶, к которым примыкают перистиль и апсидальный зал. Участие Мамбери в шотландской экспедиции ограничилось начальным периодом довоенных раскопок, Шнейдер остался в стороне. Преемственности в изучении дворцов не могло не помешать также полное изменение полевого и авторского состава второй шотландской экспедиции, что отразилось на содержании второго отчета по сравнению с первым.

Начав свою деятельность в 1951 г. при сотрудничестве одной только своей супруги, руководитель новых работ Д. Тальбот Райс проводил консервацию мозаик, продолжал их перенесение под аркады Арасте Сокак, превращенные в настоящий музей; эта огромная работа осталась за рамками монографии. В 1952 г. к работам были привлечены Сп. Корбетт и Д. Стронг. На третий год с расширением состава (участие Д. Оутса и других) начались работы в «доме Юстиниана», законченные Корбеттом самостоятельно.

В конце 1953 г. руководство временно осуществлялось Уорд-Перкинсом — директором «Британской школы» в Риме; Уорд-Перкинс проездом в Малую Азию, где он изучал позднеримскую строительную технику, вторично посетил Стамбул в 1954 г. главным образом для сбора сравнительного материала по Византии. Так излагается на стр. VII—IX организация раскопок, в значительной мере определившая характер самой обширной публикации.

Если судить по оглавлению, то не может не показаться странным расположение материала: за написанными Райсом, Уорд-Перкинсом и Оутсом первыми двумя главами (о проверочных раскопках перистыля и об исследовании остатков зданий, обнаруженных — частично вновь — к юго-востоку от него) следует обширная обобщающая III глава Уорд-Перкинса о строительной технике, IV—VI главы Райса о кирпичных клеймах, о византийской керамике и о мозаиках. Глава VII (стр. 161—167), названная «Проблема идентификации» и подписанная обоими руководителями, предшествует VIII главе (стр. 168—193) о зданиях у гавани Буколеон (так называемом «доме Юстиниана»), подписанной Корбеттом.

Казалось бы, что небольшие главы о кирпичных клеймах и, особенно, обобщающие данные о конструктивных приемах должны были быть поставлены в конце книги, в завершение всей работы. Однако дело обстоит иначе. Хотя это и не оговорено, но глава о клеймах (стр. 106—109) относится только к первым двум главам; в нее не включены клейма из «дома Юстиниана» (стр. 175). В обобщающей III главе отсутствуют многие интересные данные об относительно поздней строительной технике в самом

² Летопись исследований: E. M a m b o u r y. Les fouilles byzantines à Istanbul, 1847—1936. Вуз., XI, fasc. 1, 1936, p. 229—289.

³ E. M a m b o u r y und Th. W i e g a n d. Die Kaiserpaläste von Konstantinopel. Berlin, 1934 (далее — М а м б е р и — В и г а н д).

⁴ E. W e i g a n d. Mamboury und Wiegand. Die Kaiserpaläste. BZ, XXXVI, 1936, S. 166—170.

⁵ М а м б е р и — В и г а н д, стр. 6—18, табл. V и XII—XXXVIII.

⁶ Там же, стр. 33—35, табл. XXXV—XXXIX. Непонятно их игнорирование в работе: G. B r e t t. Byzantium. «Antiquity», vol. XI, № 43, 1937, p. 358.

«доме Юстиниана». При таком распределении конкретного материала последняя, VIII глава по существу является самостоятельным дополнением ко второму отчету и будет рассмотрена нами отдельно.

Те страницы отчета ⁷, на которых опровергается прежняя идентификация перистилия и примыкающих к нему зданий ⁸, представляют собой повторение замечаний Мамбери ⁹ по поводу заметки Бретта ¹⁰, а также Шнейдера ¹¹ и Дауней ¹² в отзывах о первом отчете.

Пятая глава посвящена поздней керамике и не играет роли в датировке перистилия и его мозаик; в данном контексте она интересна для последующей истории уже покинутых зданий. Основное значение труда состоит в фиксации того, что сохранилось от перистилия, от «дома Юстиниана» и связанных с ними построек.

К сожалению, во втором отчете также отсутствует генеральный план, которого нет ни у Мамбери—Виганда, ни в отчете. Поэтому мы нанесли новые данные на план Мамбери, опубликованный полностью Шнейдером ¹³, а схематически — Лицманом ¹⁴ (см. здесь рис. 1).

Прежде чем перейти к отдельным главам, сделаем несколько общих замечаний по поводу столь блестящей внешне публикации. Хотя авторы утверждают, что они продолжают традиции первого отчета, но это не совсем так. Забыты некоторые важные объекты, опубликованные ранее (например корпуса G, B₁). В первом отчете фиксация данных была точнее: планы нанесены там на сетку, вертикальные отметки отсчитываются от условного нуля (+26,10 м от уровня моря), нанесенного на блок «зеленого камня» в ряду, отделяющем заднюю стену СВ портика от ее фундамента (I отчет, стр. 2; профиль на табл. 59; точка D на табл. 60; разрезы на табл. 63).

Авторы второго отчета сгруппировали от сетки, принятой в первом отчете, и не заменили ее какой-либо иной системой. Вместо вполне определенной нулевой отметки первого отчета во втором отчете за исходную точку принят «средний уровень» мозаичного пола (стр. 1); но из текста (стр. 4) и из рисунков (особенно рис. 3) ясно, что мозаичный пол во многих местах сильно осел; значит, не существует такого «среднего» уровня мозаичного пола, от которого можно было бы отсчитывать с достаточной точностью все другие высоты. Нет ясности, от какого именно уровня следует отсчитывать уровни и на больших разрезах А — С; отсутствие на чертежах вертикальных промеров тоже не может содействовать доходчивости чертежей, несмотря на очень крупный их масштаб. Отсутствуют (кроме VIII главы) схематические рисунки или разрезы, особенно полезные при анализе византийских кирпичных кладок; это не могло не привести к ряду неувязок. Часто мешает весьма приблизительное (или вовсе отсутствующее) нанесение на план (рис. 1 или рис. 2) разрезов линий и точных контуров раскопов. Например, на рис. 3 изображены два разреза на расстоянии двух метров друг от друга, а на плане (рис. 2) они не показаны вовсе; не обозначен тот блок «зеленого» камня, о котором идет речь на стр. 4. Такая неясность могла получиться только в результате нанесения горизонтального расстояния на разрез, а не на план. Эти недочеты, кажущиеся на первый взгляд мелкими, лишают великолепное издание достаточной технической документальности.

Первая глава преимущественно содержит подробное описание уже ранее известных частей перистилия, а также немногих вновь открытых его участков. Раскопана новая часть мозаичного бордюра против точек А — А₁ северо-восточного портика (I отчет, табл. 61). Вновь публикуется юго-восточная часть этого портика (раскоп I) с большим и хорошо сохранившимся на всю его ширину фрагментом мозаики ¹⁵, сопровождаемым соответствующим внутренним бордюром.

В сочетании с раскопами VI и VII они позволили установить, что юго-восточный портик был не уже (как предполагалось в I отчете, лл. 59—61), а шире остальных; на северо-восточной и юго-западной сторонах оказалось, таким образом, не по 13, а по 12 колонн (рис. 1—2 II отчета). Значительная ширина юго-восточного портика

⁷ II отчет, стр. XXIII, 162—163.

⁸ I отчет, разъясняющий план к форзацу (стр. 17—20 и план).

⁹ E. M a m b e r i. Les fouilles à Istanbul en 1936—1937. Byz., XIII, fasc. 1, 1938, p. 304—305.

¹⁰ G. B r e t t. Op. cit., p. 356—359.

¹¹ A. M. S c h n e i d e r, отзыв для «Antiquity»; впервые напечатан во II отчете (стр. 194—198); в предисловии и введении не упомянут.

¹² G l. D o w n e y. The Great Palace. AJA, vol. 53, № 1, 1949, p. 81—83 (с учетом высказываний Фогта).

¹³ A. M. S c h n e i d e r. Byzanz. Berlin, 1936, Taf. 10.

¹⁴ H. L i e t z m a n n. Mamboury und Wiegand. Die Kaiserpaläste. «Gnomon», Bd. XII, H. 5, 1936, S. 231—235.

¹⁵ Изображения фонтанного здания и обрабатывающих землю крестьян были открыты еще до второй мировой войны, но не попали в I отчет по техническим соображениям (I отчет, стр. 72, прим. 1).

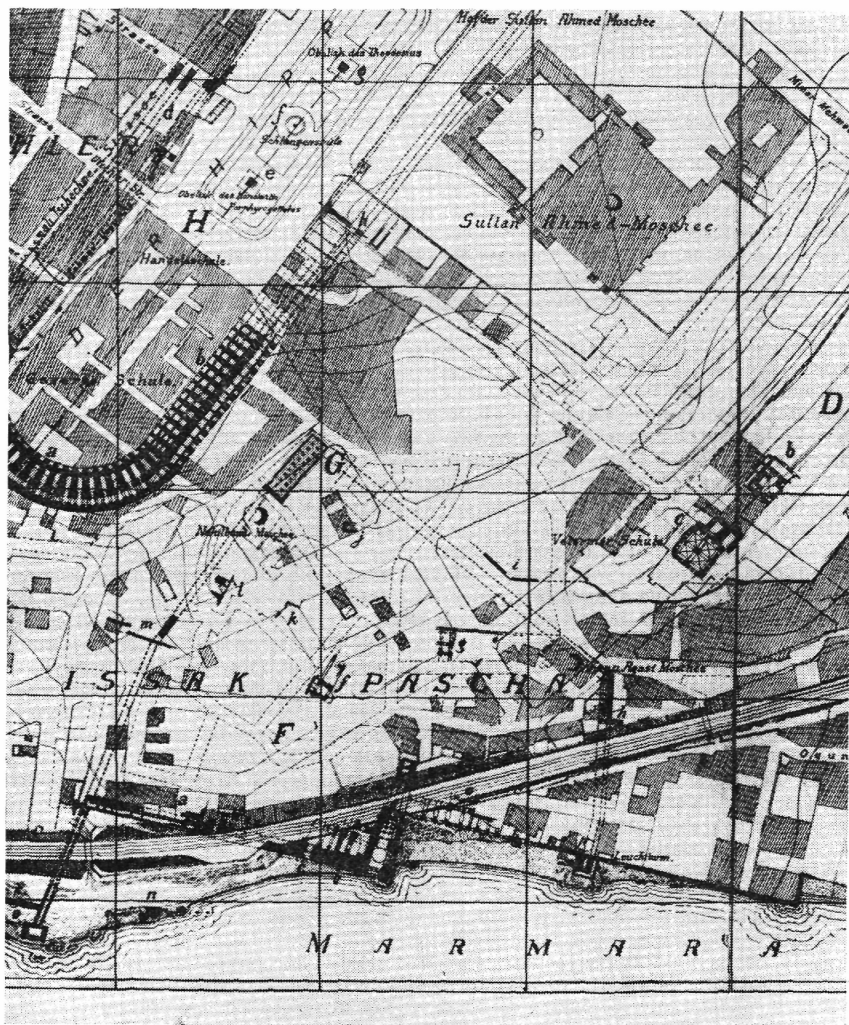

Рис. 1. Генеральный план перистилья с апси-

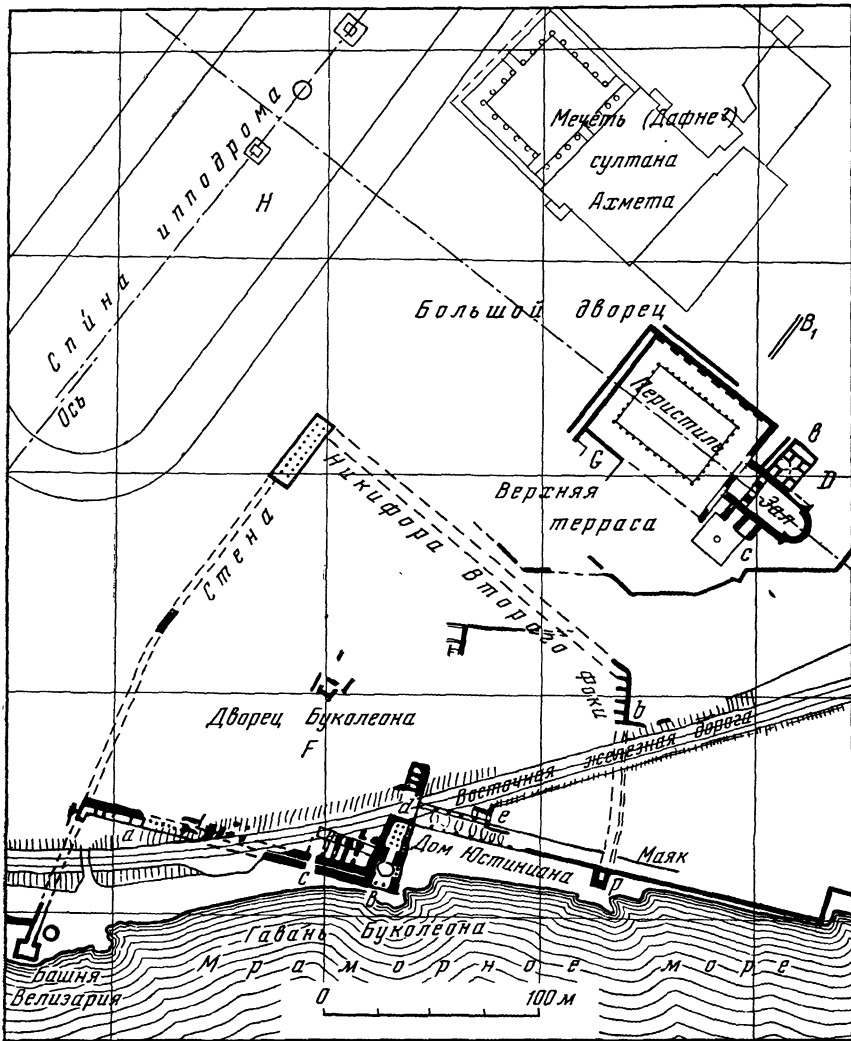
слева — часть плана Мамбери (А. М. Schneider. Byzanz, Taf. 10); справа —

хорошо подчеркивает его главную роль: именно он объединял перистиль с наиболее значительными из примыкающих зданий.

IV раскоп (стр. 12 сл.) в средней части «замощенной дорожки» и VII раскоп (стр. 19 сл.) в месте ее примыкания к зданиям, расположенным к юго-востоку, позволили установить, что дорожка покоилась не на простых аркадах (I отчет, табл. 2/3), а на высоком двухъярусном арочном виадуке (II отчет, рис. 7 и табл. 3 А). Этот виадук был целиком или почти целиком засыпан, так что дорожка оказалась уже первоначально примерно на уровне окружающей территории — вероятно, лужайки; самого виадука не было видно.

Кирпичная кладка и кирпичные арки виадука повреждены настолько сильно (стр. 13), что судить о характере кладки удастся только на одном небольшом участке ее юго-западной стороны, которую удалось расчистить в VII раскопе (стр. 21—22)¹⁶.

¹⁶ Ссылка стр. 21 на то, что на стр. 13 будто бы зафиксирована сходная кладка, неверна.

диальным залом, гавани Буколеон и ипподрома.

тот же план с нанесением вновь раскопанного перистиля и апсидального зала

Кладка эта определяется как «stepped»¹⁷, но характер ее ввиду отсутствия схемы и нечеткости фото (табл. 4В) остается все же неясным.

В III раскопе (стр. 10 сл.) вновь была раскрыта старая траншея и проверено соотношение «замощенной дорожки» с северо-западным портиком перистиля (I отчет, стр. 7; разрезы 5—5 и 6—6 на табл. 63). Следует констатировать, что соотношение более ранней по времени дорожки с перерезавшим ее стоком и с уровнем мозаичного пола в северо-западном портике были показаны в I отчете гораздо нагляднее, чем во II (рис. 5). Вместе с тем в I отчете Мартини подробно описал кирпичную кладку стоков двух периодов¹⁸. Из наличия в ранних стоках косої обработки швов он сделал весьма смелый вывод¹⁹ об ошибочности периодизации, предложенной Шнейдером. Этот вывод

¹⁷ Поверхность раствора «trowelled at an inclined angle, flush with one brick and about 2 cm. behind the edge of the next» (р. 21—22). При всей детальности это описание неточно: неясно — с верхним или с нижним?

¹⁸ «The pointing slope back at an angle from the edge of the brick above it» (I отчет, стр. 10).

¹⁹ I отчет, стр. 10, прим. 1.

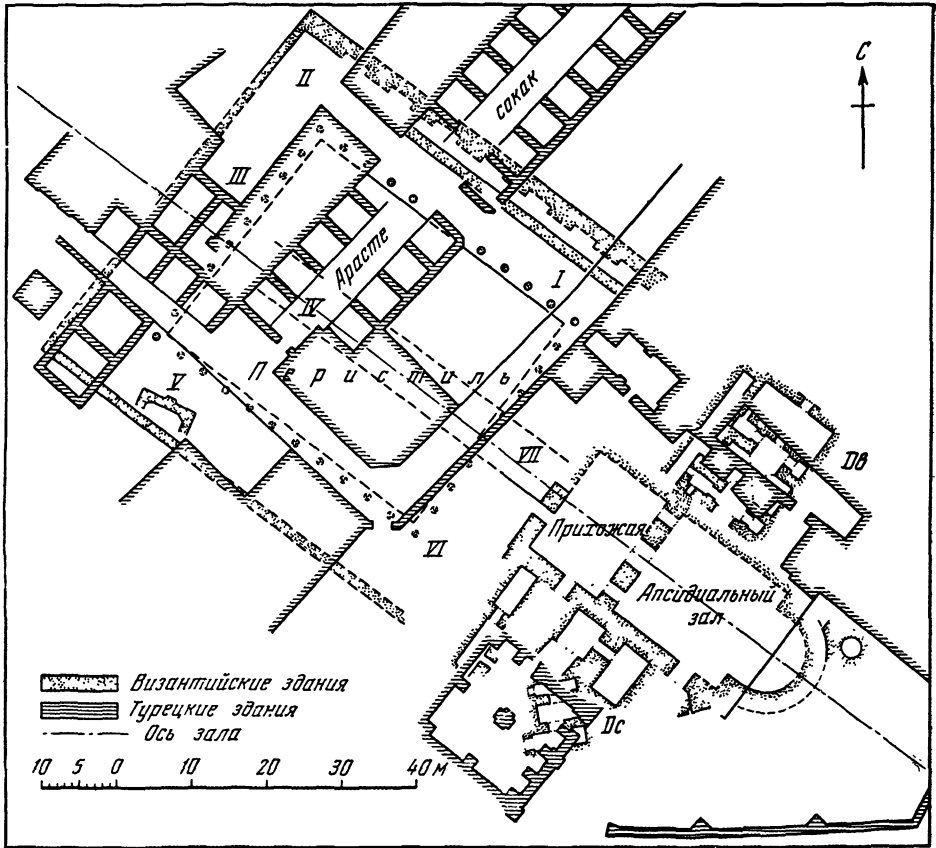

Рис. 2. План перистыля и апсидального зала

(II отчет, рис. 1)

не был опровергнут ни Райсом²⁰, ни самим Шнейдером (II отчет, стр. 195—198). Кажалось бы, что столь важное, но не подтвержденное рисунком утверждение Мартини должно было быть проверено. К сожалению, наличие косой обработки швов в стоках, одновременных с перистилем, текстом II отчета не подтверждается, хотя и не опровергается. Рисунок 5 неточен, а фото неясно (табл. 1В). Сравнивая же описание «ступенчатой конструкции» в субструкциях дорожки, можно заключить, что речь идет об одном и том же, — по-видимому, о наиболее раннем приеме византийских каменщиков.

Особое значение для предшествующей истории террасирования и застройки района и для датировки перистыля должно было бы получить глубинное исследование, произведенное в V раскопе под юго-западным портиком (стр. 15—17). Внутри засыпки, на которой покоится портик, обнаружены остатки здания, половина которого как бы отрезана фундаментом задней стены перистыля (рис. 1, 2, 7). Здание это ориентировано совершенно иначе, чем перистиль и другие дворцовые постройки; оно, скорее всего, относится к частным постройкам, созданным и эксплуатировавшимся до того, как этот участок вошел в состав дворца с засыпкой до уровня верхней террасы. В этом отношении очень важно было бы знать разницу между уровнями полов старого здания и портика перистыля. На стр. 15 говорится о разнице в 1,5 м, а на рис. 7 получается по масштабу не менее 2,2 м; здесь мы видим наглядный пример того, как необходимо надписывать основные вертикальные отметки. Следует отметить, что к юго-западному портику перистыля непосредственно примыкало здание с залом той же ориентации, что и дворец (корпус G первого отчета). Стена корпуса G, разрушившая вторую половину древнего здания, должна была попасть и на план, и на разрез рисунка 7, но о ней забыли.

Судя по характеру отделки стен и пола, здание под юго-западным портиком могло

²⁰ D. T. R i c e. The Great Palace. JHS, vol. 66, 1946, p. 136.

быть цистерной или баней. Его стены сложены из твердого, хорошо обожженного кирпича относительно малого размера (34×34×5 см), наполовину штампованного. Райсом эти именно штампы датируются IV или началом V в. (№ 1—3, стр. 106, 108), и во всяком случае не позднее 450 г. (стр. 105)²¹. Следует подчеркнуть, что таких штампов не обнаружено в других раскопах. Хорошее качество раствора и не слишком большая толщина швов тоже говорят в пользу ранней датировки старого здания под перистилем. В засышке фундаментного рва обнаружены фрагменты терракотовой лампы и стеклянного сосуда, которые восходят к началу IV в. (стр. 16—17) и, казалось бы, еще раз подтверждают раннюю его датировку.

Вместе с тем на полу древнего здания, в засышке, обнаружены три капители-импоста упрощенного типа, с широким абаком²², относящиеся к самому зданию или попавшие сюда не позднее его разрушения при постройке перистыля. Райс, производивший исследование V раскопа, усматривает в них сходство с капителями из Коринфа, Стоби и Александретты, относимыми Каучем не ранее, чем к рубежу V и VI вв.²³, а Краутгеймер — с более поздними, константинопольскими²⁴. Принятие этих датировок заставило бы отодвинуть сооружение перистыля чуть ли не к VII в.

Однако могут быть высказаны другие соображения. В цистерне Иере-Батаи имеется множество капителей-заготовок сходного типа. Унгер считал их специально вытесанными для цистерны, построенной при Юстиниане²⁵; но при специальном изготовлении им вряд ли придали бы столь различную форму²⁶: они явно во втором употреблении. Мамбери считал возможным на основании знаков каменотесов отнести капители-заготовки в другой константинопольской цистерне к IV в.²⁷ Сами авторы не очень уверены в предлагаемой ими поздней датировке капителей-импостов: «Здание (под портиком) вряд ли старше времени около 350 г., значит, отнесение перистыля к IV в. отпадает» (стр. 17). Если бы датировка капителей «около 500 г.» была надежной, то отпала бы и датировка перистыля V в. Однако такого вывода не делается ни здесь, ни в главе седьмой.

Во второй главе (стр. 24—51) подробно рассматриваются остатки зданий к юго-востоку от перистыля. Все эти здания снесены до уровня террасы; их субструкции также использовались в качестве «карьеров», скорее всего, при постройках султана Ахмета. Здесь раскопаны субструкции важного дворцового сооружения, наличие которого стало ясным уже давно, в связи с раскрытием Мамбери и Вигандом зданий (Db, Dc), примыкающих к двум его сторонам²⁸. Это сооружение, от которого сохранились только мощные субструкции, сложенные из блоков известняка («Апсидальный зал»), отвечало по ориентации перистылю и направлению спины ишподрома. При постройке зала и его прихожей, занявших всю ширину нового корпуса, были снесены значительные предшествующие постройки. В этих полуразрушенных остатках устанавливается не менее четырех строительных фаз до постройки апсидального зала; они различаются между собой по конструкции (рис. 12—15; листы A—C) и заметно отличаются от апсидального зала по ориентации.

В монографии многократно подчеркивается, что техника кирпичной кладки и сводов будто бы почти не изменилась, из чего делается вывод о быстрой смене одной фазы другой, в частности четвертой фазы — самим апсидальным залом. Однако первая фаза характеризуется кирпичными конструкциями с двумя отдельными сквозными рядами (высотой по 28—30 см) из «зеленого камня». Вторая определяется наиболее широко применением «зеленого камня» как в столбах, так и в арках. Третья фаза отмечена значительным повышением арок, сводов и покоившегося на них пола. В четвертой фазе был вновь широко применен «зеленый камень», но уже в сочетании с известняком.

Пятая, окончателная фаза — постройка субструкций апсидального зала и его прихожей; эта фаза связывается с новым повышением террасы и с достаточно резким изменением ориентации. Некоторые части предшествующих построек стали опорами под полы апсидального зала; они дают возможность хотя бы отчасти проследить историю застройки.

²¹ Но на стр. 17 фигурирует совсем другая датировка («концом V или даже VI в.»); по-видимому, она принадлежит не самому Райсу, изучавшему данный раскоп (стр. 15) и составившему главу о штампах, а коллективу авторов (стр. 51).

²² Фото (табл. 4, F), к сожалению, не сопровождается обмером капители.

²³ По R. K a u t s c h. Kapitellstudien. Berlin—Leipzig, 1936, № 244, 245, 500 и 666.

²⁴ Ibid., № 677, A—B.

²⁵ См. М а м б е р и — В и г а н д, стр. 56.

²⁶ Ibid., стр. 69; CXVI, правое фото.

²⁷ E. M a m b e r i. Une nouvelle citerne byzantine. Byz., XI, fasc. 1, 1936, p. 175—176, 180; pl. XIX.

²⁸ М а м б е р и — В и г а н д, стр. 33—35, табл. XXXV—XXXIX, особенно стр. 34, где прямо говорится о значительном сооружении между Dc и Db.

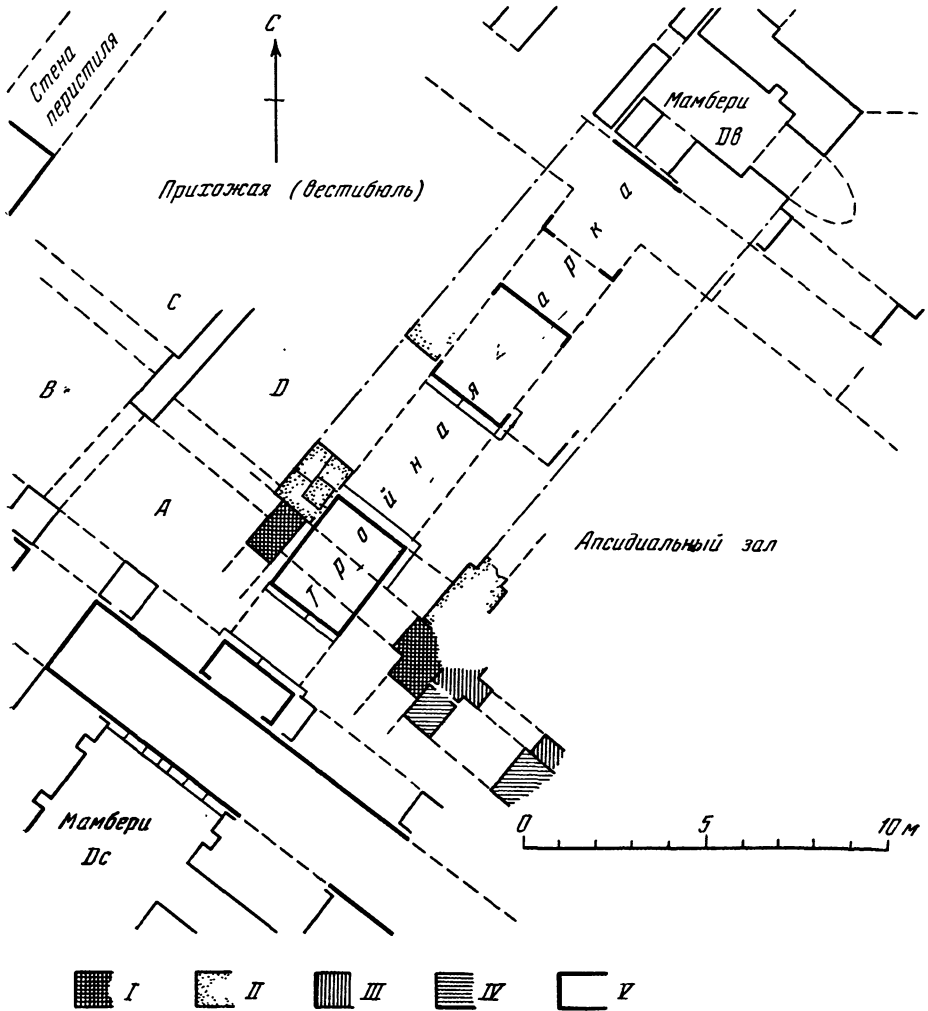

Рис. 3. Субструкции апсидального зала и вестибюля.

План составлен рецензентом на основании II отчета (рис. 9, 11, 12, 14), I отчета (табл. 59, 60), Мамбери — Виганда (табл. XXV, Db).¹⁰⁰

I—IV — фазы, предшествующие апсидальному залу, V — субструкции самого апсидального зала

Основанием под мощные субструкции апсидального зала послужил слой бутобетона, заглубленный для большей надежности на 1,7 м по сравнению с более ранними. Сами наружные стены субструкций сложены из 19 рядов больших отесанных блоков известняка, уложенных на красном растворе. Случайное расположение углублений для пионов свидетельствует о вторичном употреблении блоков (стр. 47), что характерно для экономичности византийского строительства даже в парадном сооружении. Мощная тройная арка, отделяющая субструкции зала от субструкций его прихожей, сложена из того же известняка.

В верхнем ряду субструкций под апсиду сохранились один блок «зеленого камня» и нижняя часть кирпичной арки; они могут свидетельствовать о смешанной конструкции апсиды (стр. 43). Кирпичная же стена самого зала едва сохранилась настолько, чтобы можно было определить размеры кирпича и высоту рядов. По начертанию субструкций реконструируется самый апсидальный зал; от прихожей он должен был отделяться аркой, аналогичной тройной арке субструкций. Интересны субструкции под прихожую. В них были включены в качестве опор остатки предшествующих фаз и были добавлены новые столбы и стенки (рис. 11, табл. 5—7), чтобы по возможности уменьшить пролет кирпичных сводов. Помещения с пролетом около 3,3 (А и D) пере-

«крыты кирпичными цилиндрическими сводами, исполненными наклонными отрезками (стр. 30—31); но в несколько большем помещении С, с пролетом около 4 м, цилиндрический свод сложен из радиально поставленных кирпичей. В квадратной камере В применен парусный свод низкого профиля. И так мы видим, какими малыми пролетами ограничивалось исполнение сводов наклонными отрезками без опалубки. В более ответственных случаях переходили к обычным цилиндрическим, которые выкладывались в радиальном направлении по жесткой опалубке. Своды субструкций не имеют правильной геометрической формы ни в вертикальной проекции, ни в плане: ведь сохраненные опоры имеют несколько иную ориентацию, чем вновь построенные.

Уже после постройки субструкций апсидального зала к их юго-западной стене были пристроены камеры и примыкающее к ним еще значительно более позднее сооружение, подробно изученные ранее Мамбери и Вигандом (Dc). Теперь удалось произвести их расчистку до уровня пола. Кирпичная кладка этой более поздней части характеризуется толстыми швами; судя по словесному описанию (стр. 46), они подрезаны горизонтально широкой бороздой на глубину в 3 см, причем профиль их «скорее прямой». Выступающие ряды из блоков известняка служили для поддержки подмостей и кружал. Кирпичные своды пролетом около 4,5 м сложены радиально, как обычно во все периоды при сколько-нибудь значительных пролетах.

Эти более поздние камеры предназначались для хранения воды: в сводах сохранились вертикальные борозды для приточных труб, а под полом — сточные каналы, покрытые, как и каналы перистилия, цилиндрическими сводиками, с чередованием наклонных отрезков и радиальной кладки. Такое чередование одинаково в самых ранних и в самых поздних частях комплекса, и оно не может служить для датировки.

Исследование засыпки в районе апсиды и позади подпорной стены террасы свидетельствует о том, что апсидальный зал перестал функционировать еще около середины XII в. После пяти веков заброшенности (в XVII в.) зал был сломан с целью получения строительного материала и была создана существующая подпорная стена.

В «Итогах и выводах» (стр. 23—24, 49—51) предлагается относительная датировка построек на месте перистилия и апсидального зала. Изучение перистилия приводит к заключению (стр. 23), что «замощенная дорожка» вела к какому-то одному зданию. Только с возникновением перистилия, вероятно, объединявшего целую группу зданий, застройка стала более интенсивной. Промежуток времени между исполнением мозаик и их сокрытием под мраморным полом был настолько продолжительным, что потребовалась значительная починка мозаик. Авторы первого отчета считали починку одновременной с укладкой мраморного пола; по данным второго отчета, она произошла задолго до этой переделки и до сужения северо-восточного портика.

О зданиях, предшествовавших апсидальному залу, сообщается, что они будто бы уже имели ту же ориентацию, что и другие дворцовые здания (стр. 49). Авторы связывают их с замощенной дорожкой; предполагается, что за все это время на территории будущего перистилия не произошло значительных изменений. Только возникновение апсидального зала могло изменить характер застройки. «Хотя решительное археологическое доказательство и отсутствует²⁹, но не приходится сомневаться (there can be little reasonable doubt) в том, что появление апсидального зала, коснувшееся всего северо-западного (т. е. обращенного к замощенной дорожке. — С. К.) фасада, оказалось причиной изменения подходов к нему и замены зданий, сопровождавших замощенную дорожку, четырьмя портиками перистилия с их мозаиками», — таков вывод авторов (стр. 50).

С этим положением трудно согласиться. Если мы не ограничимся схематическим рис. 9, а сопоставим его с детальными планами 11, 12 и 14, то увидим, что субструкции всех ранних периодов на месте апсидального зала отличаются от ориентации самого апсидального зала и перистилия, оси которых параллельны или перпендикулярны спине ипподрома. Вместе с тем ориентация первых двух фаз в точности соответствует ориентации соседнего здания (Мамбери—Виганд Db). Некоторые из стен первой фазы даже составляют прямое продолжение стен Db. Нетрудно убедиться в том, что здание Db близко к первой фазе также в конструктивном отношении; для этого достаточно сравнить рисунки 14—15 второго отчета с таблицами XXXV—XXXVIII Мамбери—Виганда. Оба здания построены из кирпича с изолированными рядами тесаного камня³⁰. Кирпич в здании Db, особенно в раннем его состоянии, относительно очень крупный³¹, т. е. сходный с первой фазой под апсидальным залом³². Можно поэтому

²⁹ Сопряжение зала с перистилем в значительной мере разрушено.

³⁰ Порода камня в Db не указывается; но, судя по табл. XXXVII—XXXVIII, это, по-видимому, тот же зеленый камень. На листе С II отчета, где (слева) видны блоки здания Db, их материал тоже не указан.

³¹ В ранней части Db—38-39 см в стороне (М а м б е р и — В и г а н д, стр. 34).

³² Размеры кирпичей первой фазы—38×38 см (II отчет, стр. 56).

считать установленным не только предшествующее существование здания Db, о чем глухо упомянуто на стр. 50, но и существование обширного раннего комплекса, охватывавшего группу Db и группу, остатки которой сохранились в виде первых двух фаз.

На рис. 1 и 9 второго отчета и на таблицах 59—60 первого бросается в глаза весьма значительный сдвиг оси апсидиального зала по сравнению с осью перистыля. На оси зала оказался не интерколумний, как обычно, а одна из десяти колонн как в юго-восточном, так и в северо-западном портике. Позднеримской и ранневизантийской архитектуре чужда несимметричная планировка, если она не вызвана какими-либо особыми причинами практического порядка³³. В осевой композиции симметрия не могла быть нарушена, если бы апсидиальный зал строился или хотя бы проектировался одновременно с перистылем. Поэтому история застройки рисуется скорее в следующем виде.

Неполное соответствие ориентации апсидиального зала и перистыля с ориентацией предшествующих зданий и замощенной дорожкой говорит в пользу того, что замощенная дорожка связывалась с ранним комплексом из здания Db и из одной из ранних фаз (но не с первой, см. стр. 21 второго отчета) под апсидиальным залом. Позднее, с созданием перистыля, который разбит уже в строгом соответствии со сплшной ипподрома, должно было возникнуть незначительное расхождение осей, мало или вовсе незаметное при свободной еще планировке окружающих зданий.

Когда встала задача воздвигнуть возле перистыля с его мозаиками парадный приемный зал, то пришлось учитывать часть уже существовавшего к юго-востоку от перистыля комплекса. Следует предполагать, что входившее в его состав здание Db необходимо было по каким-либо причинам сохранить (быть может, это была дворцовая церковь?). Только наличие ранее существовавших перистыля и здания Db могло вызвать сдвиг нового апсидиального зала с оси перистыля. Поэтому следует считать, что перистыль одновременен одной из последних фаз³⁴ на месте апсидиального зала и предшествует созданию самого зала³⁵.

Написанная Уорд-Перкинсом третья глава, носящая название «Заметки о конструктивных и строительных методах в ранневизантийской архитектуре», превосходит другие главы по объему текста (стр. 52—104) и по числу фотоиллюстраций (табл. 16—35). Глава состоит из четырех параграфов.

Первый из них должен представлять обобщение о строительных материалах и методах, обнаруженных при данных раскопках; второй касается тех же вопросов, но в отношении других, лучше известных зданий и сооружений позднеримского и ранневизантийского Константинополя. Третий является обширным экскурсом о предшествующем развитии строительной техники. В четвертом ранневизантийская строительная техника связывается с предшествующим развитием совершенно безотносительно к тем остаткам императорского дворца, изучению которых посвящается данная монография. Глава эта, написанная крупнейшим специалистом по римской архитектуре, в частности по архитектуре провинций, заслуживает подробного рассмотрения.

Первый параграф является непосредственным продолжением и систематизацией тех данных о раскопках, которые изложены в первых двух главах. Из них сделана выборка по характеру применяемых материалов. Наибольшее внимание здесь, как и в дальнейшем, обращено на применение «зеленого камня» и на характер кирпичной кладки, которым придается особое значение в датировке построек. Однако здесь отнюдь не исчерпан раскопочный материал.

Остановимся на трактовке «зеленого камня» (стр. 54): со ссылкой на стр. 32, упоминается о его применении в фазе (одной?), предшествовавшей апсидиальному залу. Между тем в тексте говорится о весьма различном применении «зеленого камня» в разных ранних фазах (стр. 34, 38—40, 49; рис. 12—15). Далее, упоминается о применении «зеленого камня» в перистыле, но все ссылки неверны³⁶; это тем более печально, что

³³ В рецензии С. M a n g o, *Ir. L a v i n. The Great Palace...* («The Art bulletin», vol. 42, № 1, 1960, p. 67—73) сдвиг оси зала по сравнению с перистылем не отмечен; их сочли одновременными.

³⁴ Предположение об одновременности перистыля с третьей фазой (но без обоснования) было высказано Уорд-Перкинсом (FA, VIII, 1956, № 5279).

³⁵ Ни в тексте, ни на планах (рис. 1—2), ни на рис. 6 II отчета не учтено существование корпуса G. В первом же отчете (стр. 12—13, рис. 2—3 на табл. 5; планы 60 и 61; разрез 2—2, табл. 63, справа) ничего не сообщается о его соотношении с перистылем во времени. Но, судя по более развитому крестовому своду корпуса G (фото 3 на табл. 5) по сравнению со сводами под замощенной дорожкой, в здании Db и в фазах 1—4 под апсидиальным залом, мы вправе считать, что корпус G моложе перистыля; он не мог, следовательно, повлиять на смещение оси апсидиального зала с оси перистыля.

³⁶ О применении «зеленого камня» для усиления колонн говорится не на стр. 5 I отчета, а во II отчете (стр. 4 и рис. 3). В качестве выравнивающего слоя между задней стеной портика и ее фундаментом блоки «зеленого камня» обнаружены в северо-

предметный указатель не полон³⁷. Неполнота данных не позволила дать объяснение той роли, которую блоки «зеленого камня» должны были играть в конструкции перистилия. Придается, как нам кажется, преувеличенное значение блоку «зеленого камня», сохранившемуся поверх сложенных из известняка субструкций апсиды; этот блок мог быть единственным, возможно, во втором употреблении, и потому нехарактерным для апсидального зала.

Весьма интересны замечания (стр. 57) о второстепенности бетоноподобной бутовой кладки, которую византийские строители применяли в качестве инертного заполнения, а не в качестве активной конструкции, как это делали строители римские. Упоминается о применении такой кладки в древнейшей оборонной стене, обнаруженной под «домом Юстиниана», и в значительно более поздней стене, облицованной тесанными блоками; сходная кладка применена в починках наземной стены (VIII в., стр. 77). Значит, бетонобетонная кладка вряд ли может служить для датировки.

В отношении кирпичной кладки подчеркивается ее будто бы «замечательное единообразие» (стр. 55). Малое число изученных ранее и добавляемых ныне византийских клейм не позволяет сделать на их основе точные выводы о дате постройки, особенно из-за широко распространенного вторичного применения кирпича. О специальной обработке горизонтальных швов особым раствором лучшего качества и особого профиля упоминается очень кратко, что отчасти вытекает из небрежной трактовки вопроса в первых главах. Но на стр. 56 не использован даже и этот скудный материал. Здесь вводится новый термин — «подрезанные швы» (undercut jointing) — и утверждается, будто бы они обнаружены только в одной точке (со ссылкой на стр. 21). Между тем мы уже упоминали о сходной обработке в каналах под портиком (I отчет, стр. 10).

В таблицку кладок (стр. 56) включено только семь примеров: все они относятся к субструкциям зала и потому не дают представления о наиболее ранних и об относительно поздних кладках дворца. Если учесть уже отмеченное нами отсутствие схем и недостаточно четкое описание швов, то материал не может не показаться недостаточным для выводов. Говорить об однородности, неизменности всех кладок (стр. 55) пока преждевременно.

Наиболее подробны выводы об арках и сводах, почти исключительно кирпичных (стр. 57—61). Подчеркивается напуск горизонтальных рядов кладки для уменьшения сводчатой (в узком смысле слова) части и широкое применение наклонных отрезков при пролетах менее 4-5 м. Еще в древнейшей приморской стене наклонные отрезки сочетались с горизонтальным напуском нижних рядов (стр. 59; на рис. 35 это не показано). Купольный (парусный) свод мог выполняться почти без опалубки, о чем, по мнению автора, свидетельствует устойчивость сохранившихся нижних колец после разрушения верхней части (стр. 59, табл. 7, А—В). Заметим, что устойчивость древнего свода вовсе не свидетельствует о его устойчивости в процессе выполнения: свод — как бетонный, так и кирпичный — приобретает монолитность с течением времени. В исполнении сводов отмечается сочетание большой опытности с пренебрежением к правильности и красоте; автор убедительно подчеркивает, что правильные геометрические схемы Шуази могут только ввести в заблуждение. Однако небрежное исполнение без опалубки допускалось только в таких частях здания, которые не предназначались для обозрения. Принципиальная разница между тщательным исполнением главных несущих стен и «несколько случайными» сводами под полами правильно считается характерной чертой византийского строительства вообще: экономия времени и сил, достигаемая при исполнении сводов вертикальными отрезами, играла важную роль, но в строго ограниченных рамках подсобных помещений и сооружений.

В этом отношении субструкция дворца действительно типична для византийской архитектуры в целом.

Для всех изученных субструкций характерна максимальная экономия дерева. Почти везде строители обходились или вовсе без лесов, или ограничивались легкими передвижными подмостями, опоры для которых сохранились в кладке. Своды по возможности делали без опалубки, а кружала под несущие арки опирали на выступающий в пятах ряд или на консоли. Применять металл, столь дефицитный в то время, вообще избегали; в тех случаях, когда нужно было скрепить блоки, применялось, по-видимому, только дерево.

Во втором параграфе (стр. 62—77) рассматриваются наиболее доступные или лучше всего опубликованные сооружения Константинополя, от позднеримских конструкций около Мезе и в ипподроме до перестроек конца VI в. в церквях Софии и Ирины. Это — прекрасно иллюстрированная и очень полезная выборка, гораздо более деталь-

восточном крыле (I отчет, стр. 5) и в юго-западном крыле (II отчет, стр. 15 и рис. 7), а не в северо-западном и уж никак не в несуществующем «западном» (как указано на стр. 54).

³⁷ Так, в указателе на термин «greenstone» недостает ссылок на стр. 38, 39, 40 и 49 (т. е. более половины).

ная, чем у Дейхмана³⁸. Она дает представление об основных этапах развития техники столичного строительства в позднеримское и ранневизантийское время. В целях идентификации и датировки вновь изученных частей дворца особо подчеркивается применение «зеленого камня», которое устанавливается автором только в церквях Софии, Ирины и в постройках, раскопанных в пространстве между ними. Особое внимание обращено на технику выполнения кирпичных сводов, причем отмечаются (начиная с храма Софии) те же особенности, что и в Большом дворце: широкое применение кладки наклонными отрезками. Интересны частично неопубликованные тогда данные о зданиях около Месе и около гексагона, позднее ставшего церковью Евфимии.

В связи с малым числом ранних памятников вообще и с почти полным отсутствием памятников второй половины V в. нельзя не пожалеть о том, что не было проведено проверочное исследование церкви Карпа и Папила; у Шнейдера³⁹ нет указания о профиле швов и о породе камня. Редким случаем применения «зеленого камня» оказываются два полукруглых башнеобразных выступа в комплексе зданий, связанных с церковью Евфимии. Отдельные ряды «зеленого камня» в их кирпичной кладке очень похожи, судя по описанию, на кладку I фазы под апсидиальным залом и здания Db около него: автор относит именно эту часть («к иной и почти наверняка к более поздней фазе истории» этого комплекса (стр. 69 и примечание 2 на стр. 76), но это важное положение остается, к сожалению, необоснованным⁴⁰.

Утверждение, что «все известные сколько-нибудь точно датированные примеры «зеленого камня» могут быть отнесены ко времени Юстиниана» (стр. 76), основывается на предположении, что башни церкви Евфимии значительно моложе комплекса. Признается также, что «зеленый камень» встречается в доюстиниановской Софии и в недатированной стене между «домом Юстиниана» и церковью Сергия и Ваха (прим. 2 на стр. 76). Следует добавить замечание Шнейдера о том, что блоки из того же материала в волноломе и в фундаментах у гавани могли быть взяты из архаической (греческой) стены⁴¹. Если учесть, что предшественники апсидиального зала, в которых «зеленый камень» получил наиболее широкое применение, датируются V в. (стр. 166), то утверждение автора не может не быть поставлено под сомнение.

Прогрессивное увеличение толщины швов в кирпичной кладке установлено давно и уточнено Шнейдером. То, что сообщается об обработке швов (стр. 77), является, скорее всего, недоразумением; обработка швов, изображенная на табл. 17, Е, никак не могла «оставаться стандартной». Хотя подпись неточна («характерная кирпичная кладка более поздних фаз»), но это, по-видимому, не что иное, как кладка второго периода из «дома Юстиниана» (рис. 37в) (см. здесь рис. 5б). Выступающие швы, находящиеся на кирпич, — явление не старое, а новое; это признак поздней декоративности. Для ранних же кладок характерен шов в виде округлой или косой, но всегда з а п а д а ю щ е й борозды.

Ряд памятников не освещен ни в первом, ни во втором параграфе. Таковы, например, приморская стена и парадная лестница Fd, а также здания Da—Dc, исследованные Мамбери и Вигандом; корпуса B₁ и G первого отчета; «дом Юстиниана», описанный во втором отчете. Эти памятники, территориально и исторически близкие к исследуемым частям, могли бы быть наиболее полезны, поэтому умолчание о них совершенно не оправдано.

Третий параграф посвящен исторической обусловленности ранневизантийской строительной техники. Хотя автор и признает, что вопрос выходит за рамки исследования, ему уделено столько же места (стр. 77—101), сколько всем остальным вместе взятым.

Исследование начинается обзором достижений бетонной техники при Римской республике. Оно включает блестящие определения не только техники, но и пространственной концепции в разные периоды развития римской архитектуры и их противопоставление ранневизантийской технике и трактовке пространства. Показательно противопоставление внешне столь сходных аркад Остии, в которых кирпич одевает бетонную конструкцию, с «домом Юстиниана», целиком построенным из кирпича (стр. 78).

Автор обоснованно опровергает схемы Пиранези, позднее развитые Шуази, и подчеркивает монолитный характер большей части римских сооружений. Однако, полагаясь на работу Коццо⁴², он отвергает также все новые исследования итальянских авторов (стр. 80—81, прим. 1 на стр. 80). При этом умалчивается о применении в ка-

³⁸ F. W. Deichmann. Studien zur Architektur Konstantinopels im 5—6 Jh. Baden-Baden, 1956, Kap. I.

³⁹ A. M. Schneider. Op. cit., S. 1—4.

⁴⁰ Манзель (A. M. Mansel. FA, V, 1950, № 5953) сообщает, что «комплекс кое-где перестроен».

⁴¹ A. M. Schneider. Die griechischen Stadtmauern. BZ, Bd. 37, 1937. S. 154.

⁴² G. Cozzo. Ingegneria romana. Roma, 1928.

честве заполнителя легких и легчайших пород⁴³. Пантеон рисуется как исключительное явление (стр. 81).

Для того чтобы опровергнуть итальянские исследования последних десятилетий, нужно их разобрать глубже. Еще Ривойра подчеркивал разницу между широко распространенными сетчатыми, небрежно выполненными арками из кирпича и конструктивно несущими арками поздних сооружений⁴⁴. Указание же его о применении легких заполнителей подтверждено в последние годы лабораторными исследованиями. Вопрос об облегчении римских сводов⁴⁵ нельзя обойти; он изложен более объективно в упомянутой работе Дейхмана.

Для объяснения происхождения византийских кирпичных сводов, в частности выполнявшихся наклонными отрезками без опалубки, автор обращается к традиции древнего Востока. Весьма интересный и мало известный фактический материал дает возможность показать (стр. 91—95), что древнейшая традиция таких сводов, выполнявшихся из сырца (а не из кирпича), не прекратилась с последними общеизвестными ассирийскими постройками VIII в. до н. э. в Хорсабаде. Более поздние своды из сырцового кирпича, исполненные наклонными отрезками и сохранившиеся в Файюмском оазисе, особенно в Каралисе, восходят преимущественно к первым трем векам нашей эры. Аналогичная конструкция позднеегипетских сводов в Тебтунисе, Сокнораю Неос свидетельствует о бытовании этого метода в рядовом строительстве того времени, когда монументальные здания создавались или в местной технике тесаного камня, или в римской технике бетона. Тот же метод, по-видимому, непрерывно применялся также в Месопотамии и сохранился по сей день в народном строительстве Южного Ирана.

Из приводимых иллюстраций (табл. 34—35; рис. 20) наглядно видно сходство этих сводов с византийскими; разница состоит в том, что ранние своды Месопотамии и Египта выполнялись обычно из сырца, а позднеримские, византийские и сасанидские — из обожженного кирпича.

Своды наклонными отрезками, но уже из обожженного кирпича в римской Дура Европос⁴⁶ свидетельствуют о том, что такие своды были известны ранее конца III в. н. э., когда их стали применять в монументальных сооружениях.

Автор стремится доказать, что техника сырцовых сводов наклонными отрезками встретила в римской техникой обожженного кирпича в Малой Азии и в Северной Эгиде; именно из этих районов, происходит, по его мнению, новая техника кирпичных сводов, в частности типично византийская кладка наклонными отрезками. Поскольку, кроме городов Малой Азии, учитываются только Салоники и Салона (Сплит), то остается непонятным, почему он не назвал этот второй район Балканским полуостровом. Кажется недостаточно оправданной диспропорция в показе памятников Малой Азии и памятников Балканского полуострова.

Признается, что в монументальном масштабе кирпичные своды известны только с тетрархии (стр. 89). Поскольку памятники Никомедии (Измира) почти не известны, судить об этом времени приходится по Сплиту и Салоникам. Однако именно им уделено очень мало внимания. Из таблиц по данной теме девять (табл. 24—32) относятся к Малой Азии и только одна (33) — к Салоникам; Сплит не иллюстрирован вовсе. Библиографическое приложение (стр. 96—101) охватывает только литературу о памятниках Малой Азии, но умалчивает о литературных работах, посвященных Сплиту и Салоникам. Между тем именно памятники Сплита и Салоник получили в последние годы широчайшее освещение не только в работах югославских и греческих авторов, но и в работах зарубежных исследователей, в частности в работах Диттве⁴⁷. Такой односторонний показ не может не привести к искажению выводов.

Если проверить данные о Малой Азии по существу, то окажется, что автор не обнаружил ни одного равного примера, вполне аналогичного византийской технике. Единственный, и притом не датированный с достаточной точностью, случай из субструкций базилики в Аспенде принципиально отличается от византийских: судя по общим снимкам (табл. 32), в нем отсутствует средняя, столь характерная, ромбовидная часть между двумя половинами свода. Значит, он исполнен не наклонными, а вертикальными отрезками, и притом с очень тонкими швами.

Таким образом, реальными предшественниками византийского сводостроения оказываются, по состоянию наших знаний, памятники конца III в. в Сплите и Салони-

⁴³ Краткое изложение см. С. А. К а у ф м а н. О взаимосвязях ранневизантийских сводчатых покрытий с позднеримскими. ВВ, XX, 1961, особенно стр. 187—200.

⁴⁴ G. T. R i v o i r a. Roman architecture, transl. London, 1925, p. 174—175.

⁴⁵ См. библиографию: G. L u g l i. La tecnica edifizia romana. Roma, 1956.

⁴⁶ Своды предшествуют падению Дуры в середине III в. н. э. (прим. 3 на стр. 93). Этот пример более надежен, чем своды под базиликой Аспенда, относимые предположительно к тому же III в. (стр. 90).

⁴⁷ Например E. D y g g v e. La région palatiale de Thessalonique. «Actes du II congrès international des études classiques», vol. I. Copenhagen, 1958, p. 353—365.

ках. Специфические восточные приемы могли проникнуть сюда минуя Малую Азию — из Месопотамии через Сирию или же непосредственно из Египта. Подкрепляя тезис о восточном происхождении сводов наклонными отрезками вообще, глава дает мало нового о путях их проникновения на Балканы.

Вопрос о сводах с внутренней поверхностью из кирпича, которая служила как бы опалубкой при последующей бетонной кладке, также не освещен с достаточной полнотой. Наиболее яркие примеры этой переходной техники в Малой Азии — это своды театрального и, особенно, восточного гимнасиев, купол баптистерия и своды около апсиды церковного комплекса Марии в Эфесе (вторая половина IV в. н. э.); они недавно вновь исследованы Ф. Фазоло⁴⁸. В рассматриваемой главе эти наиболее интересные примеры отсутствуют; восточный гимнасий забыт вовсе, а баптистерий едва упомянут в приложении (стр. 97—98). Из кирпичных сводов дворца Диоклетиана в Сплите вскользь упомянуты только своды под его базиликой. Между тем общеизвестный купол мавзолея в том же дворце выложен «веерами» из кирпича и является, скорее всего, прямым предшественником купола эфесского баптистерия. Все эти недочеты и пропуски, быть может, незначительны каждый в отдельности, однако в целом они не могут не вести к недооценке вклада мастеров самого Балканского полуострова.

Интересный и блестяще иллюстрированный материал о римских памятниках Эфеса, Милета, Пергама и Аспенда был бы, несомненно, весьма ценен в статье, развивающей тезисы, ранее изложенные Уорд-Перкинсом⁴⁹. Но в главе, которая должна была объяснить происхождение византийской строительной техники, материал кажется недостаточно строго подобранным.

Заключительный, четвертый параграф главы краток (стр. 101—104). Признается, что обожженный кирпич происходит из Италии, принцип кладки наклонными отрезками заимствован с Востока, а тесаная кладка является местной традицией. Бутобетон, восходя в конечном счете к римскому бетону, приобрел свои особые черты. Все эти методы развивались бок о бок не только в Константинополе, но и в «Эгейских провинциях Римской империи» вообще (стр. 102)⁵⁰. Константинополь был одной из многих новых столиц Поздней империи, построенных в основном местными архитекторами и мастерами из местных материалов. С распадом Империи и сокращением связей приток новых идей, новых методов сокращался или прекращался, а развитие стало медленным, иногда почти незаметным.

Храм св. Софии рисуется вне главного течения византийской архитектуры, как «римское бетонное здание, переведенное в кирпич, скорее высший *tour de force*, чем выражение непрерывной архитектурной традиции» (стр. 103). Основное развитие пошло иным путем, в соответствии с техническими возможностями кирпича, диктующего те немногие, вполне определенные и простые формы сводов (цилиндрического, крестового и купольного), которые оказались наиболее характерными для византийской архитектуры. Основным фактором в переходе к крестово-купольной системе признается кирпично-сводчатая конструкция. София и Сан-Витале рассматриваются как последние проявления сотрудничества римских и византийских идей и традиций. Но потом восторжествовала более простая традиция, и в этом активную роль сыграли византийские мастера и те материалы, из которых они строили (стр. 104), т. е. материальные условия производства. Мы не можем не согласиться с этим выводом⁵¹. Но как он, так и вся глава в целом были бы гораздо убедительней, если бы автор учел данные о «доме Юстиниана»; глава значительно выиграла бы в качестве заключения ко всей публикации в целом.

В шестой главе, написанной Д. Тальбот Райсом, сначала (стр. 121—127) описываются вновь публикуемые части мозаик северо-восточного портика; затем (стр. 127—160) дается тематический и технический анализ мозаик в целом, их сопоставление с другими позднеантичными и ранневизантийскими мозаиками и делается попытка датировки.

Репродукции вновь открытых мозаик — как однотонные, так и цветные — замечательны по качеству. Но для анализа общей композиции недостает таких снимков или по крайней мере таких схем, на которых вновь открытые части бордюра связывались бы наглядно с фигурами главного поля. При чтении второго отчета можно установить взаимосвязь крайнего из открытых ранее панно северо-восточного портика (I отчет, табл. 28 и табл. 64) с соседним, вновь открытым к юго-востоку от него (II отчет,

⁴⁸ F. F a s o l o. La basilica del Concilio di Efeso, con alcune note sull' architettura romana nella valle del Meandro. «Palladio», Anno VI, 1956, p. 1—30, особенно стр. 6—8 и рис. 3 (баптистерий и апсида); стр. 16 и рис. 24 (восточные термы).

⁴⁹ J. V. W a r d P e r k i n s. Architettura tardo-romana e byzantina. «Corsi d'arte ravennata e biz.», 1955, fasc. 1, p. 46—52 (no BZ, Bd. 48, 1955, N. 2, S. 497).

⁵⁰ В понятие «эгейских провинций» включаются Азия и Адриатика.

⁵¹ Ср. С. А. К а у ф м а н. Из истории Софии Константинопольской. ВВ, XIV, 1958, стр. 232—233.

рис. 30)⁵². Но при принятой во втором отчете публикации отдельных сцен или частей бордюра изолированно от соседних остается неясным расположение в бордюре вновь открытой замечательной маски варварского вождя (цветная репродукция на вкладке С, деталь — табл. 49 С; фото бордюра — табл. 50). На стр. 125 указано, что часть бордюра с маской начинается под изображением собак (I отчет, табл. 34) и что маска находится в самом начале этой части. По аналогии с другими частями, описанными в первом отчете, можно догадаться, что маска относится к внутреннему бордюру и обращена под портик (а не к перистиллю, как сцены средней части). Но точное место вновь открытой маски неизвестно. Об этом следует пожалеть: ведь уже раньше было известно положение трех масок (а не двух, как ошибочно указано на стр. 130 II отчета), причем две из них⁵³ входят в состав той же северо-восточной стороны внутреннего бордюра, что и вновь открытая маска варварского вождя. Эта третья маска находится примерно на таком же расстоянии от маски на табл. 31 (I отчет), как и маска на табл. 31 от маски на табл. 28. При нанесении вновь открытой маски на табл. 64 первого отчета можно было бы судить и о композиции бордюра⁵⁴, и о степени точности при нанесении главных ритмических акцентов — масок.

Следует пожалеть об отсутствии общих снимков. Такие снимки лучше объяснили бы композицию или скорее отсутствие композиции, чем схематический рисунок 30. Жаль также, что не удалось сфотографировать среднее панно на месте; на табл. 45 оно перерезано швами, которые могут дать ложное представление о характере главной мозаики: ведь фактически членение на зоны почти отсутствует; отдельные объекты кажутся беспорядочно разбросанными на «пустом» белом фоне. Отсутствие общей композиции, общей темы, объединяющего пейзажа кажется наиболее характерной чертой константинопольской мозаики; как бы вырезанные изображения фигур, групп, деревьев, зданий беспорядочно наброшены на белый фон, тщательно выложенный «веерами» из тессер.

Большое место в шестой главе занимает сопоставление константинопольских мозаик с другими. Этот раздел, к сожалению, недостаточно иллюстрирован⁵⁵.

Наиболее актуален заключительный параграф, названный «Проблемы датировки» (стр. 153—160)⁵⁶. В начале приводятся мнения Шеде, Шнейдера, Биттеля и Галасси, склонных к датировке IV веком. Затем излагается мнение тех, кто придерживается датировки V веком, предложенной в первом отчете (Бретта, Мамбери, Манго, Доро Леви). Следует пожалеть о том, что не учтена подробная рецензия Пикара⁵⁷: этот автор не склонен к завышению датировок и обычно проявляет разумный критицизм. В данном случае он принял датировку мозаик V веком, и его оценку полезно было бы учесть.

Мнение В. Н. Лазарева излагается более подробно в следующей форме: «Лазарев сравнивает мотивы декора с мотивами опубликованной Мацулевичем группы серебряных сосудов VI или VII вв. в Эрмитаже и с некоторыми из фресок Санта-Мария Антика и считает, что пол вполне может относиться к середине шестого века»⁵⁸.

Собственный взгляд Райса на датировку мозаик сформулирован на стр. 148: «пол перистилля моложе 400 г. и старше времени ок. 530 (Сан-Витале). По стилистическим признакам дата между 450 и 500 кажется наиболее вероятной». Далее подтверждается, что рассматриваемая мозаика относится скорее ко второй, чем к первой половине V в. (стр. 157), а на следующей странице говорится, что «константинопольские мозаики вряд ли могут быть столь же поздними, как мозаики Сан-Витале, исполненные между 526 и 547 г.». В конце параграфа (стр. 160) мы вновь читаем: «хотя возможно

⁵² Нога охотника, как бы оборванная на табл. 28 I отчета (справа), кончается на рис. 30 II отчета (№ 5, левее фонтана).

⁵³ I отчет: одна голова на табл. 28 и 40 (нижний рис.); другая — на табл. 31.

⁵⁴ Опровержение указания I отчета (стр. 66) во II отчете (стр. 125) неправомерно. На стр. 66 говорится не о единственной, а о центральной маске, от которой завитки идут в обе стороны; о единственной голове не могло быть речи, поскольку уже тогда были открыты две маски на одной и той же северо-восточной внутренней полосе бордюра.

⁵⁵ Табл. 42 А, В и Е, фото 42 С дублирует табл. 44 А II отчета, а фото 42 D — часть табл. 37 I отчета.

⁵⁶ Перечень высказываний по поводу I отчета не полон и недостаточно точен. Так, оценка Мамбери дана без ссылки; по первым результатам работ он был склонен датировать мозаики очень поздним временем (Byz., XI, 1936, fasc. 1, p. 281—282: «postjustinienne»); упущены соображения Бовини (G. Bovini. The Great Palace. RAC, Anni XXIII—XXIV, 1947—1948, p. 395—398) в пользу V в. и Румфа (A. R u m p f. Stilphasen der spätantiken Kunst. Köln, 1955, S. 40), который исключает возможность датировки мозаик послестиниановским временем.

⁵⁷ Ch. P (i c a r d). The Great Palace, RA, t. XXXIX, 1952, p. 231—234.

⁵⁸ Формулировка В. Н. Лазарева: «не ранее V века или, что вероятнее, середины VI века» (ВВ, VII, 1953, прим. 3 на стр. 373).

начало V в., но датировка второй его половиной кажется более вероятной по стилистическим соображениям». И вдруг совершенно неожиданно автор заявляет: «Можно заключить, что пол был уложен в какое-то время между 450 и 550 г.», со ссылкой на возможность более точного вывода только на основании указаний чисто археологического характера. Эта концовка стоит в явном противоречии не только с данной главой, но и с соображениями, ранее высказанными Райсом по поводу первого отчета⁵⁹. Она служит как бы формулой перехода к выводам VII главы, в которой допускается создание мозаик при премниках Юстиниана.

Седьмая глава, озаглавленная «Проблема идентификации», подписана Райсом и Уорд-Шеркинсом; в ней делается попытка сблансировать взгляды обоих руководителей на датировку перистилия и его мозаик. В первом отчете мозаики датировались временем Феодосия II (408—450 гг. — стр. 17 сл.). Авторы второго отчета склонны относить их к более позднему периоду, исходя из умолчания источников о каких-либо постройках Феодосия II, кроме дворца на берегу Буколеона (стр. 161); однако допускается, что они могли быть сделаны между 439 и 443 гг. по заданию Евдокии (II отчет, стр. 162).

Наиболее вероятным авторы считают предположение Манго⁶⁰ об идентификации вновь открытой части дворца с «галереями» Маркиана (451—457 гг.), которые находились на самом краю дворца (если не считать добавления дворца Буколеон при Феодосии II). Допускается идентификация «галерей» Маркиана и с «замощенной дорожкой», и с перистилем⁶¹. Однако получают перевес выводы, полученные на основе изучения строительной техники и будто бы твердо указывающие на VI в. для перистилия и для зала.

Незавершенные капители-импосты, обнаруженные в древнем здании под мозаичным полом, «широкое применение зеленого камня во время или даже до постройки замощенной дорожки (стр. 49) и близкое общее сходство строительной техники в субструкциях апсидального зала с применявшейся архитекторами Юстиниана повсеместно в Константинополе — все это укрепляет аргумент в пользу отнесения перистилия и апсидального зала к VI в., а их предшественников, замощенной дорожки и постройки из зеленого камня, — примерно к середине пятого». Окончательное решение вопроса откладывается: если считать «галереями Маркиана» перистиль, то здание под юго-западным портиком и замощенная дорожка с их субструкциями должны были быть созданы совсем незадолго до него. Если же постройкой Маркиана следует считать замощенную дорожку, то для перистилия и апсидального зала авторы допускают значительно более позднюю дату, «вплоть до Юстиниана или до его непосредственных преемников» (стр. 166). Глава кончается предположением об одновременности перистилия с хризотриклинием Юстина II (стр. 167). Такова постановка вопроса с сильным креном в сторону отнесения апсидального зала и будто бы одновременного с ним перистилия к VI в. и даже ко второй его половине.

Нельзя не указать на некоторую нелогичность рассуждения. Если авторы соглашались с отнесением к V в. построек, предшествующих апсидальному залу, характеризующимся наиболее широким применением «зеленого камня», то датирующее значение этого материала должно отпасть. Ни кладка из блоков известняка, ни бетонобетонные стены не характерны ни для какого периода. Система малых сводов с напуском нижних рядов и с кладкой наклонными отрезками преобладает во всем византийском строительстве.

В этих условиях утверждаемое авторами сходство строительной техники с той, которая характерна для времени Юстиниана, не может не ограничиваться самими кирпичными кладками. Между тем именно кирпичные кладки не зафиксированы достаточно точно. Напомним, что забыто о наличии «ступенчатой» кладки в каналах перистилия (II отчет, стр. 10 и рис. 5), и что самая эта кладка названа на стр. 56 «кладкой с подрезанным швом», что не отмечено различие между такими вещами, как ранние кладки с западающим швом и поздние кладки с напыляющим на кирпич раствором (стр. 77). Утверждается, что разница между кладками, начиная с IV в., состоит только в толщине швов (там же). Таким образом, авторы второго отчета при-

⁵⁹ Райс (D. T. Rice. The Great Palace. JHS, vol. 66, 1946, p. 136) обоснованно относит мозаики не к сложившемуся византийскому искусству, а к более раннему, варварскому искусству позднеримской фазы на территории Византии. Совершенно сходна оценка Пикара (op. cit., p. 233).

⁶⁰ С. Манго. Autour du grand palais de Constantinople. C. Arch., V, 1951, p. 182.

⁶¹ Принимается ранее предложенное Манго широкое толкование, при котором под «галереями» можно подразумевать и перистиль (ibid., p. 165, n. 1—2; p. 166). Однако после появления II отчета Манго (С. Манго, in: «The Art bulletin», 1960, p. 69) считает время Маркиана слишком ранним даже для замощенной дорожки. Грабарь (А. Грабар. Deux études. C. Arch., XI, 1960, p. 270) не высказывает своего мнения о датировке мозаик и перистилия.

соединяются к авторам первого (стр. 10) в отрицании того, что сделано предшествующими исследованиями для периодизации византийских кладок⁶².

Читателю остается прибегнуть к собственным домыслам, затрудняемым отсутствием схем. Кладка виадука, описываемая как «ступенчатая» (II отчет, стр. 21), не может не быть идентичной кладке каналов, связанных с перистилем (I отчет, стр. 10). Эта кладка вряд ли имеет что-либо общее с той поздней кладкой, которую называют «зубчатой», «пилообразной»⁶³ и в которой уклон шва идет не внутрь, а наружу; при таком профиле не на что наступить, нет «ступенек», а есть верхний зазор. Ступенчатая кладка виадука и каналов, судя по ее описанию, должна скорее напоминать кладку, свойственную раннехристианским памятникам Италии IV—V вв., начиная с Санта-Констанца⁶⁴. Если описание и самый термин «ступенчатая» правильны, то наличие такой кладки должно свидетельствовать о ранней дате памятника; ведь такой кладки, насколько нам известно, не обнаружено ни в одном сооружении Константинополя VI—VII вв.⁶⁵ Исходя из наличия примитивной «ступенчатой» обработки швов в виадуке и сточных каналах, можно было бы с большей определенностью отнести к V в. не только замощенную дорожку, но и более поздний перистиль, что сделало бы возможной (но не обязательной) раннюю датировку мозаик.

По композиционным соображениям, высказанным нами выше, возникновение перистыля должно было заметно предшествовать постройке апсидального зала. Отнесение перистыля к V в. отнюдь не мешало бы датировке апсидального зала, скорее всего, VI веком. Принятие таких датировок объяснило бы долгую эксплуатацию перистыля, начавшуюся, возможно, на целое столетие раньше постройки апсидального зала, а тем самым и значительные починки до укладки поверх мозаик мраморного пола и до изменения всего характера перистыля.

Последняя, восьмая глава, озаглавленная «Здание к северу от гавани Буколеон, именуемое „домом Юстиниана“» (стр. 168—193), составлена Сп. Корбеттом. Как известно, это здание и оборонная стена — терраса, на которой оно стоит, подробно описаны Мамбери и Вигандом⁶⁶. В рассматриваемой главе производится проверка их данных, а также публикуется вновь открытая древнейшая оборонная стена, ограждавшая Константинополь со стороны Мраморного моря задолго до того, как эта юго-восточная часть города вошла в состав дворцовой территории.

В отличие от более поздней, древнейшая стена была свободно стоящей; внутри стены был крытый обход с узкими бойницами на обеих сторонах, а поверху — открытый ход, огражденный зубцами, которые сохранились со стороны моря. В нижней части стены, сложенной из больших тесаных блоков известняка, обнаружены ворота. Их

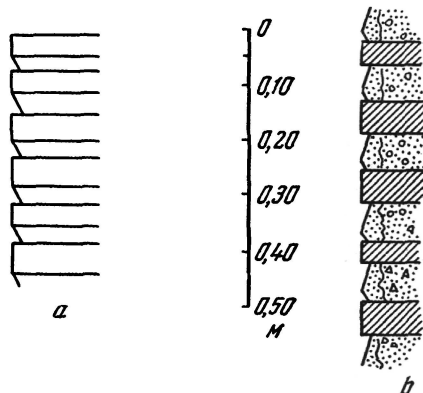

Рис. 4. Косой шов в кирпичных кладках:

а — ступенчатая кладка раннехристианских зданий Рима (по RAC, 1944—1945, рис. 8); б — пилообразная кладка из частей Св. Софии VII в.? (по Эмерсону и Найсу, рис. 9b).

⁶² N. Brunov. Die Odolar Djami. BZ, Bd. 26, 1926, S. 360—361, Abb. 4; A. M. Schneider. Byzanz, S. 13—14; Мамбери — Виганд, стр. 4 и рис. 1; W. Emerson and R. L. Nice. H. Sophia. AJA, vol. XLVII, № 4, 1943, p. 420—422, fig. 9.

⁶³ A. M. Schneider. Byzanz, S. 13 («sägeförmig»); Мамбери — Виганд, стр. 4 («übliche Art»); W. Emerson and R. L. Nice. Op. cit., p. 421, fig. 9b («saw-toot profile»).

⁶⁴ B. M. Apollony-Ghetti, G. de Angelis d'Ossat, F. Ferrara, C. Venanzi. Le strutture murarie delle chiese paleocristiane. RAC, 1944—1945, p. 231—232, fig. 8. Авторы подчеркивают явно наклонную книзу ступенчатую профилировку горизонтальных швов и покрытие их особым веществом.

⁶⁵ Она встречается в XII в. в поздних частях стены Феодосия (около 1150 г.; см. B. Meyer-Plath und A. M. Schneider. Die Landmauer von Konstantinopel, II. Teil. Berlin, 1943, S. 25, Abb. 1, 4.).

⁶⁶ На их работу имеются отдельные ссылки, преимущественно в тех случаях, когда автор не согласен с ними; но, к сожалению, отсутствует указание, что уже в ней установлена общая периодизация построек, в целом подтверждаемая публикуемым исследованием.

проем перекрыт мраморной балкой с высеченным на ней крестом «латинского» начертания; эта балка покоится на консольно выпущенных профилированных блоках и разгружается мощной полуциркульной кирпичной аркой. Проходящая в пятах арки прослойка в пять рядов кирпича отделяет нижнюю часть стены, сложенную из тесаных блоков, от верхней, бетонобетонной с прослойками по три ряда кирпича. Обход был покрыт кирпичным цилиндрическим сводиком пролетом в 1,05 м, который, по-видимому, был уже сложен совершенно так же, как своды, типичные для VI в. (стр. 59; в VIII главе этого указания нет)⁶⁷. Разнообразие клеем (рис. 36) приводит к мысли о вторичном употреблении кирпича (стр. 175—176).

Предполагается (стр. 172) одновременность вновь открытой стены с той, в которой находятся ворота Fc (по Мамбери—Виганду). По надписи их относили ко времени Константина. Это предположение не кажется достаточно убедительным; вновь открытая стена и ворота в ней отличаются от Fc не только отсутствием надписи (стр. 176), но и в конструктивном отношении⁶⁸. Поэтому соображения автора о датировке «Константиновских» ворот⁶⁹ не кажутся обязательными для вновь открытых. Судя по начертанию и по строительной технике (кирпичные прослойки), сходными с наземной стеной Феодосия, автор относит стену к V в. (стр. 178) и допускает лишь, что она несколько старше, чем окончание наземной (стр. 192).

Следует, однако, учесть, что аналогичный крытый сводами оборонный ход и открытый ход с зубцами поверх стены, и сходная бетонобетонная кладка в одежде из малых блоков, тоже пронизанная поясами по три-пять рядов кирпича, обнаружены в остатках дофеодосиевых стен XIV района (Влахерн); они были созданы, несомненно, раньше наземной стены Феодосия⁷⁰ для обороны района, вновь возникшего за стеной Константина, т. е., скорее всего, во второй половине IV в. Кажется несомненным, что старый I район должен был тоже иметь свою оборонную стену задолго до того, как при Феодосии II здесь возник дворец Буколеона. По этим соображениям вновь открытую стену следует относить скорее к IV, чем к V веку.

Много позднее древнейшая стена была замурована в бетонное тело новой приморской стены — той, которая еще недавно именовалась «стеной I периода» (Мамбери—Виганд, стр. 3, 15). Выяснено, что новая стена с ее облицованным квадрами фасадом имела толщину в 7,8 м и подпирала террасу. На этой террасе возникла часть дворца Буколеона, неверно именуемая то «дворцом Хормизды», то «домом Юстиниана»⁷¹.

Время постройки новой стены имеет особое значение для датировки дворцового здания, руины которого подходят к самому ее краю. В бетонобетоне обнаружены фрагменты декора, напоминающие по материалу и по форме отделку времени Юстиниана в храме Софии и в Равенне (стр. 178). Автор кладет в основу датировки «скорее всего, VII веком» (стр. 193) и не ранее конца VI в. (стр. 178) большой архитравный блок с монограммой Юстиниана во второй стене около ворот Fc, которую он считает одновременной с рассматриваемой (стр. 178, 193). Однако эти две части стоящей на самом берегу новой стены имеют между собой мало общего. Восточная часть, от лестницы Fd до маяка Fp, сложена из тесаных блоков черного и зеленого известняка (Мамбери—Виганд, стр. 13); западная же часть от Fd до ворот Fc состоит из всевозможных, преимущественно мраморных, строительных фрагментов во втором употреблении (Мамбери—Виганд, стр. 9; табл. XV—XIX). Сказанное нами допускает датировку стены под «домом Юстиниана» VI веком (например после пожара Нике) и притом без той натяжки, которую допускает автор (прим. 2 на стр. 178).

Графический анализ кирпичных кладок (рис. 37, схемы двух слегка различающихся между собою кладок — см. здесь рис. 5) дал Корбетту возможность доказать предположение Мамбери о двух периодах в постройке дворца. В книге Мамбери и Виганда

⁶⁷ Значительная часть древнейшей стены выбрана на материал; она известна только по отпечатку («негативу») в бетонном заполнении более поздней стены (стр. 173).

⁶⁸ Арка ворот Fc состояла из мраморных блоков, а арка вновь открытых — кирпичная и т. д.

⁶⁹ Стр. 177 и прим. 2. Эти соображения, основанные на некритическом принятии предположения Жанена, не кажутся убедительными. Если архитравная балка с надписью действительно происходит из близлежащей церкви (R. J a n i n. Constantinople byzantine. Paris, 1950, p. 279—280), то отпадает не только датировка ворот временем Константина, но и единственное свидетельство об их ранней датировке вообще. Датировка надписи временем Константина, данная Лидманом (M a m b e r i — В и г а н д, стр. 78), подтверждена им позднее (см. H. L i e t z m a n. Op. cit., S. 234).

⁷⁰ A. M. S c h n e i d e r. Das Blachernenviertel. «Sitzungsberichte der preußischen Akademie», philos.-hist. Klasse, XXX—XXXII, 1933, S. 1157—1161, Taf. 1, 3; B. M e y e r. Die Technik. Ibid., S. 1168; B. M e y e r — P l a t h und A. M. S c h n e i d e r. Op. cit. (датировка — S. 100; описание частей стены — S. 105—106, fig. 24; S. 109, fig 26, особенно S. 114—117, fig. 30—31, Taf. 58).

⁷¹ R. G u i l l a n d. Constantinople byzantine. Le Boucoléon. BS, X. 1949, p. 21; XI, 1950, p. 61—66; XII, 1951, p. 210—222.

имеется не только предположение (принадлежащее, очевидно, Виганду) об одновременности всей постройки (текст, стр. 18), против которого возражает Корбетт (стр. 179), но и вполне конкретное предположение о двух совершенно различных периодах (табл. XXVIII, подписанная Мамбери). Уже Мамбери показал графически, что выходящая на кромку приморской стены аркада не относится к первоначальной постройке, от которой сохранилось только несколько столбов (Мамбери, табл. XXVIII, столбы 1—4 и 7; ср. II отчет, рис. 33, Г и лист D, столбы А, В, С, D). Большая заслуга Корбетта состоит в том, что путем более детального анализа, с привлечением графических схем ему удалось доказать предположение Мамбери.

Предположение об одновременности постройки парадной лестницы (у Мамбери—Виганда—Fd) с перестройкой дворца отражено на таблице XXVIII Мамбери—Виганда, где все эти части отнесены ко второму периоду. У Корбетта нет полной ясности: на рис. 33 лестница (N—N) отнесена ко второму периоду, а на рис. 44 — к первому.

В результате исследований Мамбери и Корбетта общая картина развития дворцового здания рисуется в следующем виде. Первоначальная постройка, восходящая, по мнению Корбетта, скорее всего, к VII в., представляла собой сводчатый вестибюль, перед которым тянулась по краю приморской стены широкая открытая терраса; она должна была ограничиваться с востока и запада малыми выступающими павильонами с трехчастными окнами. Сохранившиеся на самом краю приморской стены столбы (Е—К на рис. 44 и на листе D II отчета) (см. здесь рис. 6) относятся ко второму периоду; место открытой ранее террасы занял тогда монументальный, крытый сводами портик. По краю приморской стены были пробиты отверстия для заделки консолей под балки, который нависал теперь над набережной до монументальной лестницы. Интересная деталь: в качестве консолей заделаны колонные стержни; такое использование старых частей, маловероятное в VI и даже в VII в., само по себе может свидетельствовать об относительно поздней дате перестройки, скорее всего, о VIII в. Отнесение к VIII в. окончательной формы дворцового корпуса и монументальной лестницы соответствует выводам Шнейдера из описания арабского путешественника, посетившего Константинополь в 880 г.⁷², о чем Корбетт не упоминает.

Кирпичные арки и своды дворца сложены совершенно так же, как в V—VI вв.; как показано у Мамбери—Виганда (рис. 9), нижняя часть их исполнена напуском 9—10 рядов горизонтальной кладки, верхняя же сложена радиально. При значительном пролете (около 7 м) в раннее время тоже прибегли бы к этой технике, требовавшей жесткой опалубки.

Особенно поучительной является графическая фиксация кирпичной кладки. Работавший много лет Мамбери не смог доказать правильное предположение о двух периодах, так как он пользовался только методом фотографирования. Корбетт же сумел не только различить, но и доказать наличие этих двух периодов, установив графическим путем разницу в обработке лицевых швов⁷³.

Сопоставление двух схем на рис. 37 может, как нам кажется, свидетельствовать об усилении декоративности в обработке швов. В более поздней кладке (рис. 37в) поверхность раствора выступает против рядов кирпича, как бы наплывая на них и создавая впечатление шва еще более широкого, чем в действительности. Такая кладка может рассматриваться как подготовка к переходу к «кладке со скрытым рядом», которой нет в постройках, изучаемых в данной монографии (стр. 56; I отчет, стр. 4). Наиболее ранние из известных примеров византийской кладки со скрытым рядом не старше конца XI в.⁷⁴ На Руси же она установлена в более ранних постройках. С фиксацией переходной формы в частях дворца, более ранних, чем конец IX в., становится вероятным происхождение кладки со скрытым рядом из Константинополя, а не из Малой Азии, как предполагал Н. И. Брунов⁷⁵.

⁷² А. М. Schneider. Byzanz, S. 28—29, против — Мамбери — Виганда, стр. 13, где постройка парадной лестницы связывается с Никифором II Фокой.

⁷³ В обеих схемах (рис. 37) имеется неточность: ни та, ни другая обработка не может относиться к конструктивному шву; следовало показать границу между конструктивным швом и декоративным.

⁷⁴ А. М. Schneider. Byzanz, S. 14. К примерам, приводимым там, можно добавить позднюю перестройку приморской стены Буколеона (Мамбери — Виганда, Та, стр. 4 и рис. 1, слева).

⁷⁵ N. Brunov. Op. cit., S. 361.

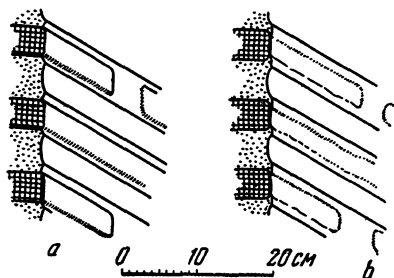

Рис. 5. Кладка из «дома Юстиниана» (II отчет, рис. 37):

а — первоначальный «вестибюль»; б — более поздние столбы на краю стены-террасы (Е—К на рис. 44, здесь рис. 6)

В заключение следует пожелать, чтобы предшествующие сооружения и субструкции под апсидальным залом и перистилем были опубликованы с такой же технической документацией, как дворец у гавани Буколеона. За последние десятилетия изучение строительной техники сделало, как известно, большой шаг вперед; именно характер кладки становится все более и более надежным методом датировки памятников древней Греции, древнего Рима и даже древнейших известных сооружений Йемена в тех случаях, когда прямое указание на дату отсутствует.

В изучаемом комплексе открывается большая возможность изучения позднеантичных и ранневизантийских кирпичных кладок, чем, например, в храме Софии, почти все стены которой покрыты ковром мозаик. Поэтому публикация графических

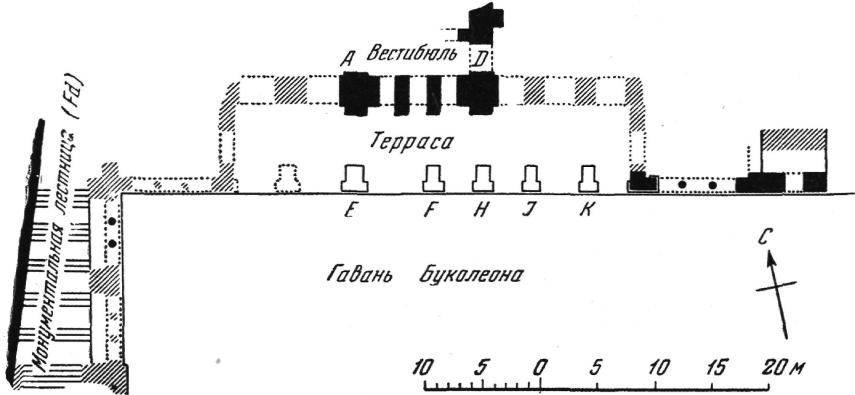

Рис. 6. Реконструированный план «дома Юстиниана» у Буколеона (II отчет, рис. 44)

изображений кладок, обнаруженных в перистиле и во всех примыкающих к нему зданиях разных эпох, имела бы очень большое значение для установления исторической последовательности кирпичных кладок Константинополя по крайней мере с начала V по VIII век. А это позволило бы в свою очередь опровергнуть некоторые сомнительные датировки и датировать, например, не здание, предшествовавшее перистиллю, на основании найденных в нем малохарактерных капителей-заготовок, а наоборот, относить такие капители к тому или иному времени в соответствии с состоянием строительной техники, в частности со способом обработки швов.

В конечном счете появилась бы возможность судить со значительно большей определенностью о столь мало известной нам архитектуре императорских дворцов Константинополя в VI и даже в V в., а также о времени, когда их украсили замечательными мозаичными полами.

С. А. Кауфман

КАТАЛОГ АРМЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ БИБЛИОТЕКИ ЧЕСТЕР БИТТИ.

S. der Nersessian. The Chester Beatty Library.

A Catalogue of the Armenian Manuscripts, with an Introduction on the History of Armenian Art. 2 vols. Dublin, Hodges Figgis and Co, 1958, (II) XLIV, 216 p.; (VI — с цветным фронтисписом, 66 таблиц) *

Каталог армянских рукописей библиотеки Честер Битти¹, подготовленный Сиррари дер Нерсессян, является серьезным научным исследованием, вносящим большой вклад в дело изучения миниатюрной живописи Армении.

Основные задачи этого труда изложены в кратком предисловии. В нем автор квалифицирует армянские иллюстрированные рукописи как наиболее значительную по

* Рецензии: J. M u y l d e r m a n n. «Le Muséon», 73, 1960, 3/4. Рецензия содержит главным образом характеристику коллекции; C. J. F. D o w s e t t. «Bull. School of Or. and African Studies, Univ. London», vol. 23, 1960, 405; BZ, 52, 1960, p. Heft. 2, S. 497. Библиографическая справка (подпись J. M. H.), ссылка на рецензию C. J. F. D o w s e t t.

¹ Армянская секция библиотеки Честер Битти насчитывает 67 манускриптов (№ 551—617). Только два из них не иллюстрированы (№ 608 и 610).